

СВЕТ ПОТОМКАМ

*Люблю цветные стекла окон
И сумрак от столетних лип,
Звенящей люстры серый*

кокон

И половиц прогнивших скрип.

*Люблю неясный винный запах
Из шифоньерок и от книг
В стеклянных невысоких*

шкапах,

Где рядом Сю и Патерик.

*Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой
набор,*

*И серебро икон в божничке,
И в горке матовый фарфор,*

*И вас, и вас, дагерротипы,
Черты давно поблекших лиц,
И сумрак от столетней липы,
И скрип прогнивших половиц.*

И. БУНИН

1906

Г. В. Сорока.
Вид в
Островках.
1840-е гг.

Помещичья Россия

Н. Врангель

Белые дома с колоннами в тенистой чаще деревьев; сонные, пахнущие тиной пруды с белыми силуэтами лебедей, бороздящих летнюю воду; старые нянюшки, снимающие пенки с варенья; жирные, обжорливые моськи, ворчащие от сахара и злости; девки-арапки, отгоняющие мух от спящей барыни; Митька-казачок, таскающий длинные чубуки для раскуривания гостям; мухи, летающие, жужжащие, назойливые, кусающиеся, скучные, противные мухи; мухи, засиживающие окна и стены, и книги, и все; петухи, кричащие на задворках; мычащие коровы; блеющие овцы; бранящиеся хозяева-помещики; бабушки в чепцах; никому не нужные, штопающие чулки старые лакеи; босоногие девки, сальные девушки; крепостные актрисы, живописцы, форейторы, музыканты, борзые псы, художники, карлики, крепостные астрономы. Внутри, в комнатах,— чин-

ные комфортабельные стулья и кресла, приветливые круглые столы, развалистые бесконечные диваны, хрипящие часы с ржавым басистым боем, и люстры, и подсвечники, и сонетки, и ширмы, и экраны, и трубки, трубки до бесконечности. Вот она — крепостная Россия прошлого, от которой остались только мухи и домашняя скотинка, старые нянюшки, хозяйская воркотня и быль и небылица о крепостной жизни, о роскоши, о красоте быта, о чудачестве дедушек и бабушек. Вот крепостная Россия обжорства и лени, добродушного послеобеденного мечтания, чесания пяток на ночь и игры на гитаре при луне. Вот страна «Евгения Онегина», потом «Мертвых душ», потом «Детства и отрочества», потом «Оскудения» Сергея Атавы. Вот «Помещичья Россия» от Петра Великого и до Царя Освободителя, полтора века особой жизни, культуры, занесенной из чужой

страны, сделавшейся родной и опять чуждой. Старая повесть о самодурах-помещиках, засекающих крестьян, о тех же помещиках в часы досуга, занимающихся меценатством так же охотно, как ловлей зайцев и лисиц, как заказом вкусного обеда или поркой провинившихся девок. Странное дело, но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Все на фоне античных храмов с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического или коринфского орденов. Пляска русских босоногих Малашек и Дунк в «храме любви», маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности. Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии — девки-арапки с восточными опахалами на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее?

Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормоз ее, выразилось как нельзя ярче в быте помещицкой России. Безудержная фантазия доморощенных меценатов создала часто смешные, чудаческие затеи, часто курьезные пародии, но иногда и очаровательные, самобытные и тем более неожиданные волшебства.

Вся эта культура, весь этот быт, все это прошлое, столь близкое по времени, теперь, с каждым годом кажется будто удаляется на несколько столетий. И как чужда, непонятна и далека казалась людям Екатерининского века быть их прадедов времен Алексея Михайловича, так навсегда безвозвратно ушел быт крепостной России, живший полтора столетия. И потому, быть может, нежно ласкает и манит нас старая повесть о дедушках и бабушках, об арапах и крепостных, о мебели красного дерева и о домах с колоннами на берегу сонных прудов?..

* * *

Русский помещичий быт неразрывно связан с крепостной Россией. Своеобразная поэзия усадебной культуры — острая смесь утонченности европейцев и чисто азиатского деспотизма — была мыслима только в эпоху существования рабов. И год освобождения крестьян, естественно, должен считаться годом гибели «крепостных традиций» в истории русского искусства. Со свойственной русскому человеку сметливостью, под страхом смертельной порки крепостные, по приказанию барина, мгновенно превращались в архитекторов, поэтов, живописцев, музыкантов и астрономов. Конечно, в этом превращении зачастую была ог-

ромная доля комизма, и «искусство по приказанию» было часто не только посредственно, но и прямо плохо. Но самое курьезное, что все же средний уровень художественных вкусов крепостной России был несравненно выше последующего «свободного творчества». Объясняется это именно тем, что в художники назначались люди из простой среды, а не «полуинтеллигенты», как это было после. Простой же русский крестьянин одарен от природы не только сметливостью, но и особым, совсем бессознательным, но неизменно верным пониманием красоты. Недаром же кустари, еще не испорченные городскими науками, создали подлинно прекрасные ремесла. Вторая причина — это наставники, руководившие начинающими художниками. Огромное количество иностранных живописцев и архитекторов, живших в России, разбрелось по бесчисленным поместьям и создало свои кадры подмастерьев, из которых многие со временем сделали настоящими художниками. Так, например, известно, что Кампорези был у Апраксиных «министр всех Ольговских построек», а у графа Орлова, в его подмосковной Отраде, находился садовник Питерман, живший с 1780 г. шесть лет в имении, и оба, несомненно, могли создать школу среди своих помощников крепостных.

Помещики старой России могли легко приводить в исполнение все свои, часто чудаческие, прихоти.

«У людей достаточных, и не то что особенно богатых, бывали свои музыканты и песенники, хотя понемногу, но все-таки человек по десяти»¹.

У П. М. Римского-Корсакова «были свои мастерские всякого рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое белье ткали дома, и, кроме того, были ткачи для полотна; был свой кондитер. В комнате людей было премножество, так что за каждым стулом, во время стола, стоял человек с тарелкой»².

Эта свора крепостных служила не только дома, но и в дороге. Бурьянов, описывая русский быт 1830-х годов, пишет: «В деревнях дворяне или помещики любят ездить в гости из одного села в другое, таща с собою в нескольких экипажах почти весь свой причет слуг и служанок, к которому у старину принадлежали непременно дураки и дуры, имевшие право делать с господами своими и с их гостями разные грубые шутки и говорить им всевозможные грубости, доставлявшие смех и веселье.

Нынче у иных помещиков еще водится держать этого рода шутов, которых они возят с собою повсюду вместе с любимой москвой. Приехав к соседу, помещики-путешественники находят не-

сколько комнат для себя и изобильный стол; весь дом бывает к их услугам; это остатки патриархальной и вместе гостеприимной жизни доброй старины, которая еще не совсем вывелась из наших нравов. У помещиков прислуга бывает большею частью многочисленная и хорошо одетая, т. е. довольно великолепно, но, к сожалению, довольно и неопрятно: нередко пальцы слуги проглядывают сквозь лакированные сапоги, а локти сквозь рукава золотом обшитой ливреи»³.

Но не только для забавы служили слуги своим господам: наряду с шутами и дурами у всякого богатого помещика был огромный штат людей, обучавшихся живописи, музыке, драматическому искусству. У графа Орлова в Отраде «полезные ремесла были нередко соединяемы с приятными искусствами в одних и тех же лицах: иной, работавший в столярной утробе, являлся вечером актером на театре. Музыка играла во время стола, а по субботам, вечером, давались инструментальные и вокальные концерты. В Отраде, однако, высшие должности не ограничивались музыкой. Между дворовыми людьми находились и архитектор и живописец, был человек, особо приученный поджидать в определенном часу появления на небе звезды или планеты и о том докладывать, были и доморощенные поэты; наконец, было лицо, исправлявшее должность богослова»⁴.

Умение русского человека быстро схватывать всякую мысль и ремесло единоголосно отмечается всеми заезжими иностранцами. Фабр, живший в России, так характеризует русского простолюдина: «Русский народ одарен редкой смысленностью и необыкновенною способностью все перенимать. Языки иностранные, обращение, искусства, художества и ремесла, он все схватывает со страшной скоростью»⁵.

Как же относились помещики к своим крепостным, украшавшим с таким искусством их усадьбы и услаждавшим их деревенское ничегонеделание? Многие любили и заботились о своих людях, но случались и обратные явления, полного пренебрежения и злого безразличия к этим часто весьма талантливым дворовым.

Помещик просто приказывал: начертить план, вылепить статую, написать картину, композировать музыку, и если почему-либо ему не нравилось выполнение его затеи — крепостной художник наказывался тут же розгами.

У М. Н. Неклюдовой в Орловской губернии были швеи, «и она заставляла их вышивать на пяльцах, а чтобы девки не дремали вечером и чтобы кровь не прилиwała им к голове, она придумала очень жестокое средство: привязывала

им шпанские мухи к шее, а чтобы девки не бегали, посадит их за пяльцы у себя в зале и косами их привяжет к стульям,— сиди, работай и не смей с места вставать»⁶. Или вот другой пример: наблюдал за постройкой дома графа Владимира Орлова в имении Отрада Московской губ. некий Бабкин, но так как граф был им недоволен, то в «домовом приказе» его от 1796 г. читаем: «высечь Бабкина за то, что он, несмотря на запрещение, снял кружала из-под свода и вторично уронил свод в кузнице»⁷.

Аракчеев, имевший в Грузии отличного крепостного архитектора «профессора Академии» Семенова, сек его за малейшую неисправность⁸.

«По рассказу калужской помещицы, очень образованной женщины, К. И. Карцовой, один художник, находившийся в таком положении, повесился в саду. Другой, по рассказу академика живописи Андрея Акимовича Сухих, бывший ему товарищем по Академии, утопился в господском пруду. Этот несчастный с истинным призванием к искусству, за непокорность своему господину, вынужден был красить полы, крыши и наконец пасти свиней. Хорош переход из академических залов, наполненных высокими, художественными образцами!»⁹ Если и не все помещики так обращались со своими крепостными художниками, то все же жизнь последних была не легкой.

Их заставляли и писать картины, и работать в кухне или у стола, и учить своему искусству дочерей, сыновей, племянников и племянниц хозяина. Когда живописец не был более нужен для дома, его продавали вместе с попугаями, свиньями, лошадьми, моськами. Так, у Дмитрия Александровича Янькова был весьма даровитый художник Озеров, отлично писавший иконы и картины. Впоследствии этого живописца Дмитрий Александрович продал с женой и дочерью Обольянинову за 2000 рублей ассигнациями.

Впрочем, некоторые владельцы художников более гуманно относились к ним и делали все возможное, чтобы облегчить их участь. Благодаря таким меценатам, как И. И. Шувалов, гр. А. С. Строганов и гр. Шереметевы, многие крепостные их кончили Академию художеств и сделались знаменитыми. Всем известны крепостной Строганова — А. Н. Воронихин, строитель Казанского собора, Федор Аргунов, строивший у гр. Шереметева в Кускове, Шибанов — крепостной Потемкина.

Еще более важную роль играли крепостные в тех декоративных работах, которые требуют, главным образом, природной сметливости и чувства красоты: в резьбе мебели, росписи стен орнаментами, вышивании. Великолепно резали

КРЕПОСТНОЙ ХУДОЖНИК ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ ТУЛОВ

Ф. А. Тулов.
Портрет
неизвестной

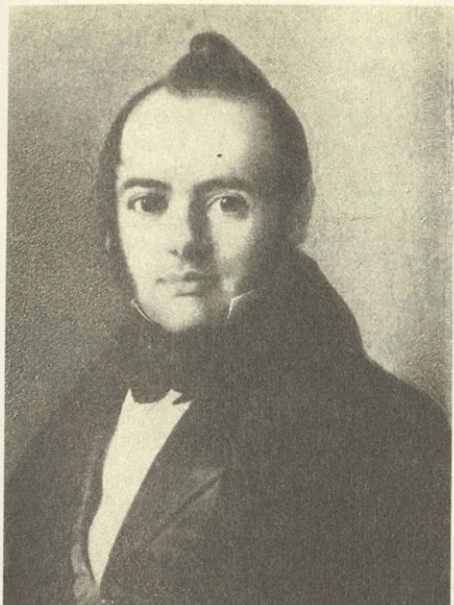
Ф. А. Тулов.
Портрет
девочки
из семьи
Шаховских-
Гольмских

Имя крепостного художника Федора Андреевича Тулова стало известно только недавно, всего несколько лет назад. Приведенная здесь его небольшая картинная галерея дает возможность воочию познакомиться с творчеством крепостного мастера. Каждый портрет представляет собой прежде всего произведение искусства, созданное тонким, одухотворенным художником. Два его портрета изображают родовитую дворянскую семью Шаховских. Всего же художником написано четырнадцать портретов представителей этой фамилии. Можно только удивляться, в каком тонком единении написаны и взрослые, и дети, и мужчины, и женщины Шаховские; в то же время каждый персонаж отмечен весьма меткой, сразу запоминающейся характеристикой. Этим же примечательны и портреты А. И. Бенкендорфа и П. М. Муравьевой с дочерью, портрет неизвестной.

Другая характерная черта творчества Тулова — его работы исполнены в приятной, темной гамме красок, что придает особую индивидуальность его полотнам.

О личности самого художника известно немного. Мы знаем, что Федор Андреевич Тулов был крепостным графа Бенкендорфа, жил в Пропойске и слыл ко всему прочему ещё и астрономом, это увлечение сохранил до конца дней.

Ф. А. Тулов.
Портрет
А. И. Бенкен-
дорфа

Ф. А. Тулов.
Портрет
неизвестной

Ф. А. Тулов.
Портрет
П. М. Муравье-
вой с дочерью
Софьей

Ф. А. Тулов.
Портрет
В. М. Шахов-
ского

по дереву шереметевские крестьяне, отличными художниками-столярами были крепостные князя Безбородки, убравшие мебелью своей работы весь его пышный московский дом. Отличные образцы мебели работы крепостных имеются в Полотняном Заводе Гончаровых. Это два круглых стола маркиры с подписью мастера: «П. Т. Олимпиев. 1839».

Кроме резчиков и столяров у всех помещиков были рукодельницы, так забавно работавшие шелками и бисером. Турки и турчанки с огромными трубками, какие-то фантастические воины с кривыми саблями, храмы любви, воркующие голуби и собачки верности — вот персонажи, излюбленные вышивальщицами крепостными. Крепостные девки работали не только сами, но обучали своему искусству и хозяек-барышень. В деревенском бездельи такие занятия убивали массу времени, а папаша и мамаша были всегда рады бисерным туфлям для себя и ошейникам для любимых мосек.

Живопись в истории крепостной России дала нам наиболее выдающиеся таланты. Портретное искусство было необходимой частью помещичьего быта — всякий хотел иметь изображение свое и близких. Эта настойчивая прихоть создала множество если и не всегда хороших художников, то весьма замечательных бытописателей. Кривые и косые, неуклюжие и неумелые портреты работы крепостных имеют для нас драгоценную прелесть подлинных документов. Это не льстивые «оды в живописи», что писали любезники-иностранцы, это не парадные портреты, представляющие человека в его «приятнейшем виде». Бесхитростные изделия крепостных, почти кустарное творчество, милое нам, как милы рисунки детей или наивные стихи в бабушкином альбоме.

Прошка или Федька писал этих бригадиров, городничих и накрахмаленных старух — нам нет дела. Искусство крепостных значительно в каждом отдельном образце его, интересно как индивидуальное проявление творческого духа. Это соборное искусство, близкое к песням, вышивкам, кружевам, ко всему, что принято называть «художественной промышленностью». И если нельзя признать работы крепостных за «музейную» или «галерейную» живопись, то все же это несомненно чисто декоративное искусство; декоративное, как вышивки с турками, как корявые квасники или лубочные картины. В комнате красного дерева, среди раскоряченных кресел и диванов-увальней, портреты кисти Прошек, Федек и Гаврил выглядят очень кстати. К тому же среди сотен анонимов

или ничего не значащих имен встречаются заслуживающие большого внимания. Таковы Михаил Шибанов, крепостной Потемкина, — автор дивных портретов Екатерины II и ее фаворита Мамоннова, известный В. А. Тропинин, крепостной графа Моркова, двое Аргуновых, Иван и Николай, — крепостные Шереметевых и некоторые другие. Все они начали с простых ремесленников и лишь потом выработались в крупных мастеров. Многие другие навсегда так и остались неизвестными, работая над украшением домов своих господ. Благово описывает расписанную крепостными усадьбу Римских-Корсаковых — Боброво Калужской губернии:

«Все парадные комнаты были с панелями, а стены и потолки затянуты холстом и расписаны краской на клею. В зале нарисована на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете то же, в спальне стены были расписаны боскетом; еще где-то драпировкой или спущенным занавесом. Конечно, все это было малавано домашними мазунами, но, впрочем, очень недурно, а по тогдашним понятиям — даже и хорошо»¹⁰.

Целую школу крепостных живописцев подготовил в XIX веке А. В. Ступин, устроивший в Арзамасе художественное училище, где образовалось множество учеников. В дошедших до нас списках воспитанников Ступина постепенно значится «крепостной», «отпущенный на волю», а иногда и более коварно: «обещана свобода». Некоторые из них достигли известности и были впоследствии освобождены от крепостной зависимости, другие, вероятно, навсегда остались в усадьбах писать помещиков и их дома. Из крепостных бывших учеников Ступинской школы в истории русской живописи остались: Василий Раев — крепостной Куселева, Кузьма Макаров, Зайцев — автор любопытных «Записок», Афанасий Надеждин — основатель художественной школы в Козлове.

Правда, среди этих имен нет ни одного выдающегося в истории искусства, но, быть может, как это часто случается среди «забытых», то и были самые замечательные. Ведь только редкий случай помогал крепостным получить отпущенную, и часто тяжела была их жизнь.

Известный Василий Андреевич Тропинин (1776—1857) был также крепостным и лишь 47 лет от роду отпущен на волю. Тропинин принадлежал сперва графу Антону Сергеевичу Миниху и жил в его селе Карпове, Новгородской губ. Впоследствии Тропинин достался графу Ираклию Ивановичу Моркову в приданое за дочерью Миниха, Натальей Антоновной. Граф Морков не был ни знатоком, ни любителем живописи и потому смот-

Неизвестный
художник.
Портрет
неизвестной.
XIX в.
Орловская обл.,
картинная
галерея

рел равнодушно на проявлявшееся в мальчике дарование. Отец просил графа отдать его в ученье к живописцу; но получил в ответ: «толку не будет» — и Тропинин был отдан в дом графа Заводовского, в Петербург, в ученье к кондитеру. Здесь обучался он до 1804 г. «конфектному мастерству». Вернувшись в деревню к своему барину, он, соученик Кипренского и Варнека, вынуждаем был нередко красить колодцы, стены, каретные колеса.

«В 1815 году Василий Андреевич написал большую семейную картину, также для своего господина. В то время, когда эта картина писалась, графа посетил какой-то ученый француз, которому предложено было от хозяина взглянуть

на труд художника. Войдя в мастерскую Тропинина, бывшую во втором этаже барского дома, француз, пораженный работой живописца, много хвалил его и одобрительно пожимал ему руку. Когда, в тот же день, граф с семейством садился за обеденный стол, к которому приглашен был и француз, в многочисленной прислуге явился из передней наряженный парадно Тропинин. Живой француз, увидав вошедшего художника, схватил порожний стул и принялся усаживать на него Тропинина за графский стол. Граф и его семейство этим поступком иностранца были совершенно сконфужены, как и сам художник-слуга. Вечером того же дня гр. Морков обратился к своему живописцу: «Послушай, Василий Анд-

реевич, твое место, когда мы кушаем, можешь занять кто-нибудь другой»¹¹.

Однако Тропинину все же посчастливилось, и он в 1823 г. — хотя уже сорока семи лет — получил отпускную. Трагичнее была судьба другого художника — Александра Полякова, дворового человека помещика Корнилова.

Поляков, по рассказу академика живописи Егора Яковлевича Васильева, был учеником отца академика, Якова Андреевича Васильева, который, надеясь на данное слово помещика относительно будущей участи мальчика, с особенною заботливостью занимался художественным образованием его, так что Поляков, оказав замечательные успехи, получил академические медали, ознакомился с образованным обществом, писал портреты в петербургских лучших домах и получал за них в то время по 400 рублей ассигнациями.

В 1822 г. Поляков отдан своим владельцем «на выучку» к Дау, который был занят портретами генералов для галереи 1812 г. Поляков так перенял его манеру, что некоторые портреты его работы сходили за повторения самого Дау. Рассказывают, что Дау просто подписывал своим именем портреты, написанные Поляковым, и что будто бы по этому поводу в комитет Общества поощрения художников даже был составлен доклад о его предосудительных действиях. Очевидцы рассказывают, что Поляковым был написан в 6 часов поясной эскиз портрета Мордвинова.

Но вдруг барин потребовал к себе Полякова навсегда. Добрайший, доверчивый, но обманутый помещиком, Яков Андреевич Васильев пришел в негодование, наконец, подал по этому случаю прошение в Академический совет; и в собрании Совета могли лишь постановить правило для всех членов Академии не принимать впредь в ученики людей крепостного звания.

«Поляков, по настойчивому приказанию своего господина, сопровождал его на запятках кареты по Петербургу, и ему случалось выкидывать подножки экипажа перед теми домами, в которых произведения его, красуясь в богатых раззолоченных рамах на стенах, составляли утешение и радость семейств и где сам он прежде пользовался почетом, как даровитый художник. Поляков вскоре спился с кругу и пропал без вести»¹².

Несколько учеников-крепостных было и в школе Венецианова: Александр Алексеевич Алексеев — автор неизвестно где находящейся картины «Мастерская Венецианова» (крепостной О. Н. Кумановой); принадлежавший той же помещице А. А. Златов. Еще много отдельных сведений попадает в архивных делах и

книгах, но жизнь почти всех этих художников, а также их работы нам неизвестны. Большой славой пользовались Аргуновы — отец и сын, Воронихин, но они хотя и бывшие крепостные, но все же не представители «крепостной живописи». Культурное отношение к ним их владельцев и серьезная художественная школа, которую они прошли, заставляют считать их скорее «воспитанниками» помещиков, чем их подневольными слугами. Чудакские затеи и самодурные выдумки дачерощенных меценатов не оставили отпечатка на них. Но потому на их спокойном творчестве и не запечатлелась та азиатская дурь, что так приятно хороша на лубочных изделиях. Образцы такой скорее курьезной, чем красивой живописи сохранились в Медном под Петербургом, в бывшем имении Саввы Яковлева. Кто автор этих в рост человеческий портретных фресок, где Малашки и Дуньки, Федьки и Ваньки представлены богами мифологии: кучер — Парисом, коровница — Еленой, босоногие девки — богинями? Несомненно это крепостной. Лишь «домашний художник», по приказанию барина, мог намалевать столь дикие, но все же не лишенные прелести живописные курьезы. Среди часто скучных, хотя и неплохих живописных работ русских академиков начала Александрова века — такие произведения говорят о несомненном даровании, хотя и не умелого, но все же даровитого и чувствующего краску дикаря. Столяры и мебельщики, резчики, рукодельницы, маляры и крепостные живописцы, — может быть, придет время и все станут любить вас, как полюбили деревенского кустаря или анонимных творцов народных песен!..

*«Старые годы», 1910, июль — сентябрь
(Печатается с сокращениями)*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. — Спб., 1885. — С. 55.

² Там же. — С. 25.

³ Бурьянов В. Прогулка с детьми по России. — Спб., 1839. — Ч. I. — С. 102—106.

⁴ Биографический очерк гр. В. Г. Орлова... Спб., II, с. 14.

⁵ Бурьянов В. Указ. соч. — С. 102—106.

⁶ Рассказы бабушки... — С. 293—294.

⁷ Биографический очерк гр. В. Г. Орлова. — II. — С. 2.

⁸ Старые годы. — 1908. — Июль — сент.

⁹ Русский вестник. — 1861. — Ноябрь. — С. 54.

¹⁰ Рассказы бабушки... — С. 255.

¹¹ Русский вестник. — 1861. — Ноябрь. — С. 54.

¹² Там же. — С. 54.

Хмелита.
Празник в
усадыбе
Совр. фото